

УДК 128

ФИЛОСОФИЯ «ОБЩЕГО ДЕЛА» Н.Ф. ФЕДОРОВА КАК РЕЛИГИОЗНЫЙ НОНКОНФОРМИЗМ И КОНСТРУКТИВНЫЙ СКЕПТИЦИЗМ*

Гусев Дмитрий Алексеевич

доктор философских наук

Московский педагогический государственный университет, Москва

author@apriori-journal.ru

Аннотация. Развитое религиозное мировоззрение (христианское – в особенности) базируется на таких двух основаниях как воля Бога и воля человека. Нередко «за скобки» выносятся один из этих элементов: если «за скобками» оказывается воля Бога, то место традиционной теоцентрической религии занимает религия антропоцентрическая, или атеизм, если же – воля человека, то религия становится средством оправдания и даже освящения несправедливого и неправильного социального устройства. Ведь если даже окружающий нас порядок вещей имеет мистически-божественное происхождение, это не отменяет и не умаляет волю человека, который в любом случае стоит перед нравственным выбором: пассивно бездействовать или разделить со своими ближними участь униженных и оскорбленных, являя тем самым для них, для себя и перед лицом Бога пример духовного мужества, моральной стойкости, нравственного просветления и того самого аскетизма, который столь важен в координатах религиозного сознания и связанных с ним ценностей. В смысловых координатах этой дихотомии оригинальное философское учение выдающегося русского мыслителя Н.Ф. Федорова вполне может быть охарактеризовано в качестве конструктивно скептического и религиозно-нонконформистского по отношению к официальному вероучению.

Ключевые слова: русская религиозная философия; философия общего дела; космизм; воскрешение отцов; познание; скептицизм; сомнение; истина.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00761 а «Русская философская мысль XIX – первой четверти XX века в философско-историческом и антропологическом аспектах».

THE FEDOROV'S PHILOSOPHY OF THE «COMMON CAUSE» AS A RELIGIOUS NON-CONFORMISM AND CONSTRUCTIVE SKEPTICISM

Gusev Dmitry Alekseevich

doctor of philosophy

Moscow State Pedagogical University, Moscow

Abstract. Developed religious worldview (Christian in particular) is based on these two grounds as God's will and man's will. Often «bracketed» is made of these elements: if «out» is God will, the place of the traditional theocentric religion is anthropocentric religion, or atheism, if it is the will of man, then religion becomes a means of justification, and even sanctification unfair and incorrect social dispensation. After all, if even the order of things has mystically divine origin, this does not negate or diminish the will of man, which in any case stands before a moral choice: to passively react or to share with their neighbors the plight of the downtrodden, thereby showing for them, for ourselves and before God's example of spiritual courage, moral fortitude, moral enlightenment, and the asceticism which was so important in the coordinates of the religious consciousness and its associated values. In the semantic coordinates of this dichotomy original philosophical doctrine of the outstanding Russian thinker N.F. Fedorov could easily be described as constructively skeptical and religious nonconformist in relation to a formal creed.

Key words: Russian religious philosophy; philosophy of the common cause; cosmism; the resurrection of the fathers; cognition; skepticism; doubt, truth.

Многие представители русской религиозной философии, проникнутой духом православного христианства видели торжество должного в завершении земной истории, втором пришествии, Страшном суде и установлении вечного Царствия Божиего. В этом случае должное реализуется трансцендентным образом, то есть путем потусторонним, не постижимым, сверхъестественным. Где-то таинственно далеко, в мистическом неизвестном, по ту сторону жизни и разума совершится долж-

ное, а здесь и сейчас, на земле наш удел – смотреть на ужасы сущего, страдать от происходящего и уповать на загробное будущее [1-2].

Однако, может быть и другой вариант: должное установится имманентным образом, то есть в посюсторонней, реальной, естественной жизни, для чего потребуются наши колоссальные, творческие, преобразовательные усилия. Но не будет ли это взятием человеком на себя божественных прерогатив, самонадеянностью и гордыней? Наверное, не будет, ибо говорил Спаситель: «Дела, которые творю Я, и он (верующий – *авт.*) сотворит и больше сих сотворит» (Ин. 14:12). Эти слова писания часто повторял знаменитый философ Н.Ф. Федоров, считающийся представителем космизма, который создал в контексте русской религиозной мысли, пожалуй, одно из самых оригинальных, ярких и удивительных учений [3-4]. Центральная идея последнего на первый взгляд кажется совершенно невероятной: человечество должно совершить фантастический рывок из нынешней несовершенной жизни в принципиально иной тип Бытия путем преодоления силы смерти и воскрешения (в буквальном смысле!) всех когда-либо живших на земле поколений...

Н.Ф. Федоров родился в конце мая 1829 г. в селе Ключи Тамбовской губернии от внебрачной связи князя Павла Ивановича Гагарина (местного землевладельца, позже – известного театрального антрепренера) и Елизаветы Ивановны, которую одни источники называют дворянской девицей, другие – крепостной крестьянкой, третьи – пленной черкешенкой. Фамилию и имя, как незаконнорожденный, он получил по имени крестного отца. Незадолго до ухода из лица (осенью 1851 г.) двадцатитрехлетний юноша испытал сильнейшее жизненное потрясение – умер один из самых близких и любимых людей – дядя Константин Гагарин. К этому времени относится зарождение необыкновенной и прекрасной мысли, которая определила весь последующий жизненный и идейный путь выдающегося философа [5]. Два переживания – чувство родства и осознание смертности пришли в соприкосновение и высекли искру грандиозно-

го и дерзновенного философского учения. Следует обратить внимание на то, что мыслитель представляет сознательную человеческую деятельность по регуляции смертоносных природных сил и превращению их в силы «живоносные» как задание, возложенное на человека Богом [6]. Не противопоставление Творцу своей гордыней видим мы в этой деятельности, а исполнение Его воли, замыслов и планов [7]. Федоров считал, что после Христа и совершенного им спасения мира, сила спасения уже пребывает в мире. Согласно Федорову, человечество призвано быть орудием Божиим в деле спасения мира [8]. Этого часто не замечают в его учении, которое целиком покоится на том, что Христос «уже искупил людей» и что нам предстоит «усвоить» это искупление. После него реализация спасения целиком зависит от людей [9].

После оставления лица Федоров, самостоятельно продолжая учиться, два с половиной года сдавал экзамен на звание преподавателя уездных училищ, решив посвятить себя педагогической деятельности, которая, однако, была для него не самоцелью, но практическим движением на пути реализации его идеи. Философ был убежден, что всеобщее дело «воскрешения отцов» объединит всех живущих на земле людей одним высоким идеалом, облагородит их, сделает нравственно совершенными [10-11]. Перед лицом великой задачи прекратятся раздоры между людьми и установится «братственное» состояние.

В течение всей жизни философ не переставал трудиться над главной своей идеей, разрабатывать и углублять ее. Он был предан ей всецело, будучи абсолютно равнодушным к банальным и общепринятым ценностям жизни. Он жил для своего великого замысла, не имея семьи, общественного положения и порой даже средств к существованию, не говоря уже о достатке и материальном комфорте [12].

Федоров был в полном смысле слова аскетом и подвижником. Физических условий жизни как бы не существовало для него. Он занимал всегда крошечную комнату, спал не более четырех или пяти часов в сут-

ки на непокрытом сундуке, подкладывая под голову что-нибудь твердое вместо подушки. Пищей его был чай с черствыми булочками, иногда – сыр и соленая рыба. Часто месяцами он не употреблял горячую пищу. Получаемые деньги были для него чем-то абсолютно неуместным. Свое незначительное жалованье (менее 400 руб. в год) он почти полностью раздавал(!) нуждающимся, своим «стипендиатам», как он их называл. Ежемесячно в установленное время к нему приходили эти бедняки для получения своих «стипендий». И зимой и летом он ходил в одном и том же стареньком пальто. Имущества у него вообще никакого не было. Но еще удивительнее то, что Федоров не признавал и интеллектуальной собственности. Слава и популярность не только были безразличны ему, он считал их проявлениями бесстыдства. Его статьи печатались под псевдонимом. Большую часть из них он совсем не публиковал. Примечательно, что основную часть сочинений Федорова опубликовали только после его смерти друзья и ученики. Книга вышла в свет небольшим тиражом, была разослана по библиотекам, а оставшиеся экземпляры издатели раздали желающим. Долгое время Федоров пытался уговорить кого-либо из известных людей выступить с его идеей для привлечения к ней всеобщего внимания (прием, характерный для античной и средневековой литературы, когда малоизвестный автор вкладывал свои мысли в уста знаменитых авторитетов, ибо для него важнее были эти мысли, а не собственная личность) [13-15]. Такое отношение к авторству в наше время покажется, скорее всего, юродивым, но тем более мы убеждаемся в том, что жизнь Федорова есть яркий пример самоотречения и духовного подвижничества. Несмотря на аскетический образ жизни и удивительную скромность мыслителя, он стал одной из самых известных фигур Москвы последней четверти XIX века. Выдающаяся натура, великая душа и незаурядный ум, видимо, не могут оставаться незамеченными, даже если бы очень этого хотели [16-17].

Забывая напрочь о себе, он хотел привлечь людей к тому замыслу, который представлялся ему «самым великим и вместе с тем простым». Все должны усвоить самоочевидную истину, что человек как разумное существо, образ и подобие Бога, орудие Его воли может и должен посредством знания и действия превратить слепые и враждебные силы природы в средства созидательного творчества [18-19]. Победив смерть и воскресив всех своих прародителей, человечество создаст новый, невиданный тип Бытия. Будучи многим в едином, подобно Троице, оно достигнет такой «неделимости» которая сделает невозможным какое-либо разрушение или изоляцию, преодолет смерть. Причина нынешней вражды людей, по мнению Федорова, заключается в том, что каждый человек под давлением грозных и смертоносных сил природы стремится к самосохранению [20]. Вследствие этого силы человечества разобщены и недостаточны для «регуляции» природы. Именно «регуляция», а не покорение или господство над природой, является центральным пунктом федоровской философии. Его учение ничего общего не имеет со слепым технократизмом, насилующим природу для получения сиюминутной выгоды. Человек должен подняться, считает мыслитель, не против природы, а против определенного порядка ее существования, пока еще несовершенного [21]. Он должен внести разум в неразумное, гармонию в хаос, созидание поставить на место разрушения, жизнью поправить смерть.

Когда человечество научится управлять силами природы и покончит с голодом, болезнями и другими бедствиями, удовлетворит все свои потребности, оно тем самым уничтожит источники человеческой вражды. Огромное впечатление на Федорова произвели опыты с искусственным дождем, который вызывался посредством орудийной стрельбы, проводимые в 1891 г. в США, как раз во время страшного голода в России, вызванного засухой. В совершенном будущем, говорит философ, необходимо сохранение армий для выполнения общих задач по регуля-

ции природы. Федоров говорил также об управлении метеорологическими процессами, что позволило бы людям получать обильные урожаи, об использовании солнечной энергии и замене ею каменного угля – продукта одной из самых трудоемких отраслей промышленности. Мыслитель предлагал таким образом освоить электромагнитную энергию земного шара, чтобы регулировать ее пространственное движение и превратить ее в подобие корабля для полетов в космическом пространстве...

Основная идея мыслителя, несмотря на всю свою необычность, встречала понимание и сочувствие. Так, например, Ф.М. Достоевский говорил, что мысли его «почел как бы за свои», а В.С. Соловьев характеризовал федоровское учение как «первое движение человеческого духа по пути Христову». С помощью регуляции природы и воскрешения предков, считал философ, мы не только перейдем в совершенно иное качество существования на планете и в космосе, но и решим навсегда вечную проблему отцов и детей. Вспомним, сколько тысячелетий люди сокрушались о том, что потомки никогда и ничем не сумеют заплатить своего детского долга, потому что не могут родить своих родителей, никогда не испытают для них тех болей, какими они болели за своих детей. Через воскрешение умерших потомки смогут «возвратить сердца детей к отцам их» (наказ последнего пророка Ветхого Завета Малахии), смогут «родить своих родителей» и тем самым – заплатить им свой сыновний долг [22].

Тем же, кто назовет воскрешение отцов утопией, напомним, что еще 2,5 тысячи лет назад знаменитый греческий философ Парменид вполне убедительно сформулировал известное положение, согласно которому «бытие есть, а небытия нет». Ничто не возникает из ничего, и ничто не обращается в пустоту. Если что-то есть сейчас, то это значит, что оно было и будет, если же чего-то нет, то его не было и не будет. Так, например, до рождения человек существует, но в другой форме – на уровне атомов и молекул, аминокислот, генов и хромосом своих родите-

лей. Рождение – это не переход из небытия в бытие, а всего лишь изменение формы вечного бытия. Но ведь тогда и смерть – это не переход из бытия в небытие, то всего лишь трансформация бытия! Умирая, человек распадается на элементарные частицы, которые входят в вечный круговорот природы, но не исчезают, не превращаются в ничто. Так почему бы нам, живущим ныне, не направить все свои нравственные и умственные силы на постижение глубинных тайн и закономерностей природы с тем, чтобы найти тот путь, или метод, с помощью которого можно было бы собрать вновь рассеянные в мировом пространстве частицы умерших людей и вернуть их к жизни поколение за поколением? Понятно, что в этом случае людям не хватит одной планеты и почему бы тогда силою разума не преодолеть земное тяготение и не освоить бескрайние просторы Вселенной, чтобы жить во всех возможных мирах отныне уже вечно? Осуществление этого замысла будет великой победой человечества как над всепоглощающим временем, так и над всеразъединяющим пространством [23].

При существующей неоднозначности оценок философского наследия Н.Ф. Федорова все его критики и сторонники сходятся в одном: это был своеобразнейший и оригинальнейший, гениальный и дерзновенный мыслитель, оказавший огромное влияние на современников и потомков, оставивший неизгладимый след в русской философии и духовной культуре вообще. Л.Н. Толстой «гордился, что живет в одно время с подобным человеком». Н.О. Лосский называет его «праведником и неканонизированным святым». Что же касается идеи о всеобщем воскрешении, то, скорее всего, нам не следует торопиться с выводами о ее утопичности. Многие привычные реалии сегодняшнего дня всего 200-300 лет назад были в высшей степени утопиями. Наверное, можно согласиться со словами С.Н. Булгакова об основной идее Федорова о том, что еще не пришло еще время жизненного осознания этой мысли, так как пророку дано опережать свое время.

Список использованных источников

1. Коробкова Ю.Е. Идея «богочеловечества» в русской религиозной антропологии первой четверти XX века // Философская мысль. 2015. № 4. С. 55-78.
2. Гусев Д.А. Роль и значение скептицизма в преподавании философии // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 168-173.
3. Гусев Д.А. Удивительная логика. М., 2013.
4. Коробкова Ю.Е. Понятие «личности» в антропологических концепциях В. Лосского и В. Зеньковского // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://apriori-journal.ru/seria1/3-2015/Korobkova.pdf>
5. Гусев Д.А. Античный скептицизм и современная философия науки // Преподаватель. XXI век. 2014. № 3. Ч. 2. С. 219-225.
6. Пчелина О.В. Грядущий Кто? // Философская мысль. 2015. № 4. С. 226-247.
7. Коробкова Ю.Е. «Эсхатологический» характер русской религиозной философии истории первой четверти XX века // Философская мысль. 2015. № 5. С. 149-169.
8. Гусев Д.А. Эллинистический эпикуреизм как отдаленный теоретический предшественник позитивизма // Преподаватель. XXI век. 2014. № 1. Ч. 2. С. 226-239.
9. Коробкова Ю.Е. Философия: конспект лекций. М.: МИЭМП, 2005.
10. Гусев Д.А. Либерализм, православие и национальная идея в условиях переходного периода и кризиса современного российского общества // Философская мысль. 2015. № 2. С. 25-62.
11. Пчелина О.В. «Грядущий хам» и «Окаянные дни»: Мережковский и Бунин о личном и социальном // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 5. С. 79-83.

12. Гусев Д.А. Скептицизм как философский реализм // Философия и культура. 2015. № 1. С. 20-28.
13. Скороходова С.И. Воспитание Ю. Ф. Самарина как исток мировоззрения // Наука и школа. 2012. № 2. С. 168-172.
14. Гусев Д.А. Античный скептицизм в истории становления научного мышления. М.: МПГУ, 2013.
15. Скороходова С.И. «Православие – народность – самодержавие» в историософии ранних славянофилов // Преподаватель XXI век. 2011. Т. 2. № 1. С. 240-250.
16. Гусев Д.А. Любители мудрости. Что должен знать современный человек об истории философской мысли. М., 2008.
17. Скороходова С.И. Идея славянского братства в творчестве представителей «московской школы» // Преподаватель XXI век. 2012. Т. 2. № 4. С. 250-261.
18. Скороходова С.И. «Русская идея» в контексте мессианства славянофилов // Наука и школа. 2012. № 4. С. 176-181.
19. Гусев Д.А. Курс лекций по философии. М., 2014.
20. Скороходова С.И. К вопросу о философии религии И.В. Киреевского и А.С. Хомякова в связи с особенностями их религиозности // Наука и школа. 2012. № 3. С. 160-166.
21. Кузнецова С.В. Принципы триединства и всеединства в религиозно-философском учении Л.П. Карсавина о личности // Религиоведение. 2009. № 2. С. 83-91.
22. Гатиатуллина Э.Р., Гусев Д.А. Философия. Московский университет им. С.Ю. Витте. Москва, 2015.
23. Кузнецова С.В. Понятие абсолютного всеединства в метафизической концепции Л.П. Карсавина // Преподаватель XXI век. 2008. № 1. С. 150-153.